

A black and white movie poster for the film 'Вновь Сирота Олдуай' (Once Again, Aldrey Orphan). The poster features two main characters in a space environment. At the top, a man in a dark, form-fitting suit (Nikita Chirkov) is floating upside down, looking towards the viewer. Below him, a woman with long, flowing hair (Alley Orphan) is floating, looking down. The background is a dark, swirling nebula or galaxy. There are several floating rocks or debris pieces around the characters. The title 'ВНОВЬ' is written in large, outlined letters, and 'Сирота Олдуай' is written below it in a smaller, outlined font. The name 'НИКИТА ЧИРКОВ' is at the top.

НИКИТА ЧИРКОВ

ВНОВЬ
Сирота Олдуай

Никита Чирков

Вновь: сирота Олдуай

<https://litres.ru/74337922>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сирота Олдуай — эта таинственная планета появилась в системе ИМБ всего несколько месяцев назад. За время войны Первых сынов о ней мало думали, пока тот, в чью честь она несет имя, не победил. Олдуай обуздал путешествие во времени, почти обрел свободу... На планете начались Раскаты — разрушительные явления, распространившиеся на всю солнечную систему.

И если сейчас Олдуай, лишенный превосходства, ищет причину Раскатов, то уже в будущем Бэккер изучает причину его неудачи. Лишь так он найдет ответы на главные вопросы: почему он выжил, почему здесь, почему сейчас... и как погиб Олдуай?

Сами того не зная, Бэккер и Олдуай, разделенные годами, становятся виновниками своих несчастий, деля одну судьбу на двоих.

Содержание

1	4
2	8
3	14
4	23
5	26
6	30
7	35
8	41
9	47
10	51
11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Никита Чирков

Вновь: сирота Олдуай

1

Олдуай не помнит и дня, когда хоть кому-то был ровней. Отец ответственно подошел к созданию первого сына, постарался столь же трепетно, сколь дальнейшие дети стали проще. Так Олдуай и жил годами где-то посередине, порой даже гордясь своей чуждостью, ибо все человеческое и братское смердело примитивом со дна, покуда сверху на него не падал взор требовательного отца. Абсолютная власть над цивилизацией была добродетельна для всех, кроме сына, выстроившего с Клендатом — так звали его отца — уникальные для них двоих отношения. Отношения, где уважение было на службе эффективного сдерживания, потому что родитель был единственным, кто мог ограничить энергию экспрессивного задиры и наглеца. Как-то бунтарское начало достигло пропорционального сопротивления в необычной форме эквивалента обучению: отец лишил сына доступа ко всем органическим и механическим привилегиям сразу же перед тем, как отправил того в долгий одинокий поход за пределы цивилизации. Тогда-то Олдуай и начал познавать простую истину: какие бы тайны ни были спрятаны в хитром сплетении

составляющих мироздания, все меркло перед тем неизвестным, сокрытым в знаниях отца. Все, буквально все, что доступно Олдуаю, столь же превосходит человеческое, сколь уступает единственному родителю. Заслуживаемый авторитет был неизменной валютой в сосуществовании с тем, кто для людей вполне был богом, где первому сыну не единожды приходилось доказывать право считаться достойным своего будущего. Только вот будущего не своего и не для себя, а того самого, ради которого он был создан, которого он не желал. Простая преемственность власти, этакая смена поколения, где он должен был бы вести человечество в тот мир, где обязан столь же оборонять жизнь, сколь притуплять излишний потенциал.

И это парадокс, который ему посчастливилось узреть своими глазами почти во всех подробностях, хотя, справедливости ради, Олдуай подоспел уже на финальный акт. Отец к этому моменту уже сгинул, цивилизация разрушена, человечества толком не осталось, так что если бы он и решился стать вождем, то править толком уже и некем. Да и те, что остались, имея возможности, которые Клендат им же и даровал, учиняют лишь хаос, оскверняя идеалы, испытывая собственные характеры в конфликте сторон. И, прекрасно зная человеческую природу, Олдуай уже собрался убраться отсюда подальше: бросить солнечную систему ИМБ — пусть эта примитивная жизнь существует и дальше, блуждает вдали от звезд, ему плевать. Но отец, никого не предупредив, как все-

гда своевольно и властно, подкинул необычное наследство... Некоторое время назад, не пойми как, не пойми зачем, на золотом сечении появилась новая планета. Замкнувшая треугольник с Опусом и Комой, планета под властью инопланетного сверхсущества Варвара стала соседкой остальным шести. Клендат вышел победителем, учинив чуть ли не казнь тому, кого заклеил в истории чужаком в своих владениях. Никто не знает почему, но теперь планета несет имя первого сына. Что символично, ведь он узнал об этом самым последним, да еще и путь к этому дню оказался результатом череды подозрительных случайностей.

Олдуай знал: отец ничего не делает просто так. А тот, в свою очередь, не мог не знать: Олдуай не примет власть в наследство. Отсюда и странным кажется такое название такому гиблому месту, куда он в обычное время и шагу бы не ступил, — упрямство не позволило бы. Но время было необычным. Сыны тщетно пытались навести порядок, точнее то, что они подразумевали под этим. А Олдуай собирал ресурсы и устранял преграды, чтобы оставить этот мир позади. И вот двенадцать часов назад он сделал последнюю остановку, прибыв на эту планету для последней расстановки фигур. Оставалось чуть-чуть, свобода была уже вот-вот, почти рукой подать... Час назад, впервые в жизни, Олдуай вкусил тленный вкус абсолютной самостоятельности. Свобода от отца и наследия должна была даровать легкость, никак не бешенство. Чуждая стихия на планете в мгновение доказала

ему: он слишком долго был под родительским надзором.

Первая и пока что единственная верфь Галактика уже прибыла на орбиту Сироты Олдуая. Огромное, круглое произведение инженерной мысли имело сквозной атриум, где по задумке производится сборка дорогого и редкого космического транспорта. Долгая стройка уже близилась к концу, так что если бы не череда сокрушительных конфликтов за последние несколько месяцев, то Галактика уже обрела бы полноценный статус и работоспособность верфи. Сейчас она является в равной степени как пристанищем для наследников, так и центром переговоров для враждующих сторон. Но вскоре Галактика обретет новое значение — последнее безопасное место от влияния новой стихии.

Используя все ресурсы верфи, Изабелла вот уже второй час погружена в дотошное изучение того, что она обозначила простым словом «Раскат». Ведь к этому моменту на планете Кома, откуда она прибыла несколько часов назад, уже вовсю бушевала смена экосистемы методом планетарного циклона. Новое проявление перестройки не было чем-то удивительным или пугающим: лишь очередной элемент, узнав который она повысит свой авторитет перед теми, к кому она стремится. Так она думала, пока не увидела Олдуая, который только что вернулся с Сироты на своем небольшом космолете. Это прибытие знаменовало окончание своеобразного семейного

конфликта между ним и его братьями, которые, в отличие от него, приняли свое наследство — Галактику.

И вроде бы он все тот же, под два метра ростом, крепкий мужчина с короткими черными волосами и чистым лицом, способный одним взглядом сказать больше любых слов. Своеобразная одежда состояла из комбинезона с подчеркивающими плотную мускулатуру пластинами, без ненужных ему средств поддержания жизни в космосе. Сейчас впервые с момента знакомства перед Изабеллой предстал взгляд глубокой мрачности в напряженном теле. Казалось, лишнее движение спровоцирует выплеск разрушительной энергии, что в его случае страшней любого оружия. Он не посмотрел на нее, лишь медленно обошел, остановившись в центре этого небольшого светлого пустого помещения, обратившись лицом к виртуальным экранам, за которыми работала Изабелла.

— Гаскоин был ранен. Я отправила его на базу, но он не явился. Стала искать его на Коме, но нашла то, что назвала Раскатом. — Изабелла насторожилась не из-за него, а из-за того, что ввергло его в такое состояние. Олдуай не реагировал, и она продолжила: — Циклон уже накрыл Монолит, расширяется и замедляется, то ли набирает силу, то ли распыляет. Место попадания Раската разрушается, примерно от двадцати до пятидесяти метров. Сферический взрыв поглощает всю материю, сводит в точку происхождения. А еще высота везде разная: может, над поверхностью, а может, и

в земле. Длина же самой молнии напрямую зависит от диаметра взрыва, или наоборот, тут не знаю. Но при длинных радиус поглощения больше, при этом скорость меньше. Чем короче, тем быстрее по времени и меньше по области.

Олдуай не реагировал, все смотря и смотря на монитор. Изабелла подошла ближе.

— Что тебе известно про Раскаты?

Олдуай был последним кладезем знаний наперегонки с влиянием. И внезапно реакция испугала ее не столько емким содержанием, сколь его угнетенным состоянием от простого факта:

— Ничего.

Ему было сложно это признать. Слишком много поводов соврать, опять вынуждая всех плясать под его музыку, став тем единственным, кто может навязывать правила в обмен на знания. Но то ли он странным образом устал, да так-то и слишком далеко зашел, чтобы строить сложные планы, то ли, что куда более верно, Олдуай не хочет делать то, чего, скорей всего, ожидал бы от него отец. Глядя на Изабеллу, чьи короткие рыжие волосы зачесаны назад, а красивое нежное лицо украшено взрослым взглядом сильного характера, он вновь задумывается: как же так вышло, что именно она, достаточно привлекательная внешне и умом для его эстетичного вкуса, да еще и некогда приближенная к его отцу, этакая протеже, прошла столь огромный путь к этому моменту, сколь маловероятный для случайности. Будто бы са-

ма судьба свела их вместе в конкретный день, время и место, почти месяц назад, когда дети Клендата окончательно воспряли самостоятельностью на руинах старого мира. Будто бы... Нет! Олдуай никогда не примет даже блеклое напомирование судьбы! Если тут и есть ее эквивалент, то это, в чем он уверен, лишь воля его отца... или же матери, а может, и той самой их единственной дочери — его некровной сестры. К сожалению или нет, но факт неизменен: именно Изабелла, даже пройдя усиленную вербовку, больше всего выделяется на всей игровой доске. Выделяется даже визуально — черный облегающий скафандр с воротником аккуратно подчеркивал как удивительную фигуру, так и богатую красоту каждого взгляда. И что это все для него значит? Что внезапная преграда в виде Раската умудрилась пошатнуть его самообладание? Или что вместо того, чтобы с азартом раскрывать неизведанное, он умудряется искать подвох...

Все эти размышления заняли пару секунд, Изабелла не успела и среагировать на его отрицательный ответ, как чуть более живо он передал ей:

— Гаскоин переместился на Сироту. Не знаю, откуда у него координаты. Да это уже и не важно. Он умирал, но убит был тем, что ты называешь Раскатом. Правильно удивляешься, зеркальный металл не выдержал этой силы.

Изабелла не сводила с него несколько настороженного взгляда.

— Может ли Раскат навредить тебе?

— Я все еще здесь.

— Я рада, что ты жив.— Искренность Изабеллы внезапно зародила на его лице легкую, почти незаметную улыбку.

— Спасибо. Ты все подготовила? А то не зря же я похоронил столько братьев.

Изабелла ожидала уточнения, а Олдуай — ответа на вопрос.

— Да, у меня все готово, — гордо заявила она. — Галактика теперь наша.

— Умница.

— Я знаю, — улыбнулась глазами Изабелла, всецело ощущая себя хозяйкой этого места. — Вместе с Гаскоином ушла последняя неопределенность, скажу ему спасибо, когда вернемся. С моей стороны все чисто, Оскар не помешает, а от Ковака избавился сам Номад. Точнее, одна из его частей, тело я устранила. Полагаю, Банкер тоже не выжил, раз ты прилетел один?

— Не выжил.

— Что узнал о причине того, почему Клендат назвал планету твоим именем?

— Ничего.

— Этим моментом стоит всерьез насладиться.

— И с чего так вдруг?

— Когда, как не сегодня, концентрация вопросов без ответов касается тебя неприлично часто в единицу времени. За последние двенадцать часов мы перекроили могилу этого

мира, переписали историю и сами стали судьбой. Насладись этим склепом неправильных решений, потому что, когда мы закончим, тайн уже не будет.

Она была и есть первой, кто стала достаточно близка, чтобы он пожелал считать ее ровней, хоть такое пока что и невозможно. В ее мыслях есть правда, моментом надо наслаждаться, потому что он знает, что как только они замедлятся, начнется последний этап. Преимуществом, которым наградила его отец, была и остается регулируемая скорость существования. Способных разгонять мыслительный процесс без урона психике, да еще и с пригодным физическим функционалом было всего двое — отец и его первенец. Теперь же таких все так же двое — Олдуай и Изабелла. Она уже давно была улучшена Клендатом: полная совершенных в своей уникальности имплантов, Изабелла ныне умеет не только быстро мыслить, но и передавать свое слово через аналог радиосвязи. Весь разговор путем простой передачи данных между ними занял девять секунд реального времени.

На десятой секунде они оба услышали Голос. Везде и всюду, речь была ближе к дробленным звукам:

— Двенадцать часов назад. Тогда мы допускали надежду. Цифры колебались, Номад не сдавался. После Буревестника вы затаились, а мы — думали. Одна семья, наследники своего прародителя. Двенадцать часов назад вы сделали первый шаг. Вместо переговоров — война. Вместо законов — обман. Вместо суда — вымирание.

— Вымирание случилось, — презрительный тон сорвался с губ Изабеллы, раскрывая ее красоту с новой стороны, — когда Опус горел! Горел у меня на глазах вместе с миллионами людей. Проверь свои цифры, вот уже как сорок два дня назад.

— Цифры в порядке. Опус унес семьдесят три процента разумной жизни. Это трагедия. Мы ее пережили.

— Какая чушь!

— Кома смогла выжить. Людей там осталось мало, они эмигрировали. Следил, был шанс. Вы вмешались, но шанс есть.

— Ты придрался к терминологии, потому что тебе нечем нам ответить. Ты знаешь, что мы правы. Сила на нашей стороне.

— О, это заметил, знаю, видел. Ты осквернила свой дом.

Колыбель была ни при чем.

— Ты и правда думаешь, что у тебя есть шанс переубедить нас? — Изабелла посматривала наверх, обращаясь к Голосу.
— Смельчак! Какие там цифры теперь?

— Куда меньше...

Изабелла выждала паузу перед тем, как продолжить:

— Ты не мог не заметить, что вымирание не остановить. Мы проследили за этим, довершили дело, устранили лживую надежду. Ты уже догадался: конвой на Кома не сможет добраться, а те люди, которых вы припрятали... скажем-с так, фантазии мне не занимать.

— Вне контекста цифры там лучше.

— Еще бы! Ты будешь держаться за них, потому что братца-то больше нет. Что забавно, не замечаешь? Вы хоть и думали, что учитываете ошибки Клендата в вопросах правления, но по факту, ребятаки, вы с одной планетой хотели симбиоз, а другую вынудили драться за право на хорошую жизнь, раздробив там человечество, сделав ставку на естественный отбор. Так что, может, ты даже рад, что остался единственной частью того, что мы знали под именем Номад?

— Нет. Я не рад.

Последнее звучало почти по-человечески. Грусть была неприкрытой.

— Но мы строили будущее. Пусть медленно. Пусть неоднозначно. Масштабирование — дело непростое. Но мы строили. Что сделали вы? Буревестники были резервным ресурсом.

сом. Колыбель была ребенком, которого надо было обучить. Монолит был старым, и ему надо было переродиться. Сирота была тайной, которую оставили наши предки. А вы двое были нашей надеждой... Допускаю, Номад не отдал бы власть. Но он не помешал бы вам жить.

— Именно так. — Изабелла понимала его. — «Было...» Было то, было это. Теперь ты на одном уровне с нами, такой же статус, такая же ответственность.

— Но я не один из вас. — Голос защищался, было ясно, что ему отвратно это причисление. Ну а Олдуай, нарушив молчание, засмеялся — желчно, наигранно, разочаровывающе. Пусть этот эмоциональный всплеск и удивил Изабеллу своей резкостью, но вот причина была ясна: Олдуай брал инициативу, а с учетом мрака в его глазах она решила не вмешиваться. Закончив нагнетаемый смех, скалясь, он заговорил будто бы сам с собой:

— Изабелла достаточно тебя заболтала. Теперь я точно знаю: ты — кусок кода, интегрирован в это место. Стоит попытаться тебя выдернуть, переписать или нарушить базовую структуру, так все разлетится на кусочки. Какой же Номад был псих, так себя в угол загнать.

Почти податливо Голос спросил после небольшой паузы:

— Что дальше?

— Дальше ты дашь нам доступ к рассекателю! — Олдуай терял терпение, Изабелла уже начала подозревать недосказанность. Но тут Голос решил бороться:

— Я тоже выигрывал время.

— Ну и как? Убедился в своей...

— Мне было интересно, почему ты сам лично прилетел.

Пропустить мою интеграцию из аналитики ты не мог.

— Я могу тут все разнести голыми руками, даже устать бы не пришлось. Но зачем, если ты пойдешь на сотрудничество? Причина первая — я знаю, где спрятано Единство. О да, все именно так, безликая рожа, именно так. Сколько тебе осталось? Пара лет, да и то при лучшем счете. Потом ресурсы иссякнут, и это место превратится в ничто. А без добычи сырья с последующей обработкой рассчитывать можно только на запас, которого мы тебя заблаговременно лишили. Сколько у тебя там спрятано людей? Тысяча! Вместе с ними умрешь и ты, чему я ох как поспособствую, если будешь сопротивляться.

Давящая тишина была пропитана признанием правоты Олдуая.

Голос заговорил холодным, решительным тоном:

— Я могу выкинуть вас в космос прямо сейчас. Цифры не врут, она умрет, ты проживешь в нужном диапазоне. Если я не справлюсь, заберу тебя, продолжим. Лишние два года — это неплохо.

— Пф, нашел кому угрожать. Да и такой мелочью, что даже стыдно слышать.

— Оптимальный вариант. Я ничего не теряю. А ее угроза уничтожить Галактику, пролетев насквозь космолетом из

зеркального металла, не сработает. Галактику вы не тронете. Без нее нет рассекателя. Без него ваш поход провалится. Без него вы не нужны. Ваша победа — мое поражение. И наоборот. Иного не дано. Я не позволю переписать историю. Никакого путешествия во времени. Точка.

Олдуай сделал уверенный шаг вперед, специально, показательно наступив сильней, чтобы промять пол, подняв наконец голову с наигранной надменностью.

— Меня не сломать. Я не проигрываю. Что бы ты ни придумал, я умней тебя, быстрее тебя, сильнее тебя. Номад был убит не просто так. С ним умерла и твоя человечность. Ты же машина, рано или поздно случится так, что ты потеряешь контроль. Не получится сохранить идеалы, если нет противовеса. Ты один, значит, нарушаешь естество жизни. Ты не мог не думать о том, почему Клендат бросил на вас цивилизацию? Почему ему стало плевать на людей и Нерожденных, хотя он был богом во плоти? Без естественного баланса сил... без естественного врага, который бы умирлял твою чрезмерность, ты, хочешь или нет, но обесценишь сам себя, потому что всегда будешь выше тех, кем правишь. И это еще лучший из вариантов, скажу я тебе. Копировать себя ты вряд ли станешь — опасно, вдруг этим взрастишь врага человечеству, которое так усердно защищаешь. У тебя будет власть без границ, а без цели и цены что останется от человеческой жизни в глазах того, кто не живой? Ты же не органик, не умрешь, не повзрослеешь, не полюбишь... Ты будешь видеть

их рождение и смерть, убеждая себя, что часть их бытия. А потом случится зависть, там и обида, затем и ненависть. Ибо они счастливы, ценят моменты, держат жизнь за руку... А ты так не можешь. Без цикла жизни каждый день столь же одинаков, сколь бессмыслен. Нам повезло, Клендат не стал устраивать резню ради веселья, дабы почувствовать хоть какую-то переменную внутри себя. Тебе так не повезет. Наступит точка невозврата, когда ты пожалеешь, что остался один на один с миром, где ты чужд всему и всем, даже понятию «жизнь». Тогда ты вспомнишь этот день. День, когда ты мог спасти всех, если бы не был эгоистом. — Дав немного осесть чуть ли не судьбоносному предсказанию, Олдуай дополнил: — Давай, скажи, что я не прав. Проверь свои цифры.

— Помоги нам спасти мир от самих себя, — лаконично и осмысленно произнесла Изабелла. — Это и есть свобода от Клендата.

Не сразу Голос заговорил медленно, тяжесть его мыслей ощущалась отчетливо:

— Ты предложил Единство, но я не смогу им воспользоваться. Вы хотите переписать прошлое, значит, стереть настоящее.

— Ну, я стараюсь быть реалистом. Объективно, будем честны, мы не можем не допустить, что у нас не получится. А у тебя нет вариантов. Но есть гарантия, что не помрешь без нас.

— Пока я в здравии ума, могу заложить отложенный тай-

мер, чтобы через два года самоуничтожиться, тем самым, как вы и говорите, освободиться не только от поведенческой карты Клендата, но и от вашей воли.

— Вот же ты упрямец, — разочарованно сорвалась Изабелла.

— Я просто хочу жить.

— А еще ты хочешь услышать «во-вторых», — напористо начал Олдуай. — Иначе бы давно избавился от нас. Но, эй, мы еще здесь. Потому что ты знаешь: Бэккер в будущем, мы отправили его туда как страховку. Этот уникум — мастер выживания. А еще полная сволочь, эгоист, одинокий и злобный, совершивший уже столько достижений, что почти достиг пантеона богов. Вопрос времени, когда мы станем историей. Рассекатель мы ему оставили, пользоваться научили, мотивации дали сполна. Ты сам это знаешь, засек уникальные колебания в субквантовой запутанности несколько часов назад. Мы все предусмотрели, в частности, неподвижные ситуации.

— Мы готовы умереть прямо здесь, прямо сейчас. — Изабелла гордо дополняла слова Олдуая, поглядывая на него с восторгом. — Я говорила, мы уже переписали историю. Ты, как и все вокруг, присутствуете здесь лишь с нашего одобрения. И цена такой воли — наша жизнь. Либо все будет так, как скажем мы, либо никак. И гнить тебе наедине с собой, полным сожаления, слабости и отчаяния с доказательством, что ты новый Клендат.

— Предлагаете прожить все пару часов... но со знанием, что я лучшая версия себя... что я не стал отцом... что я спас мир от самого себя... Это все очень красиво звучит. Я восхищаюсь вами. Честно. Изящная стратегия, Олдуай. Твой потенциал восхищал. Жаль, братья не увидели твоего триумфа. Полагаю, Банкер тоже мертв?

— Правильно полагаешь. Раскаты размолотили его вместе с Гаскоином.

С минуту Голос молчал. Напряжение было уютно нарастающим, почти обволакивающим, как предпобедное состояние, когда наконец-то, спустя множество трагедий и предательств, цель будет достигнута. Не было и капли сомнений ни у Олдуая, ни у Изабеллы, стратегия была выверена, идеальна, упряма и жестока. Им было плевать, как на них посмотрят в прошлом, главное — спасти мир от смерти, которая все блуждает по пятам. Последние сорок два дня были калейдоскопом ужаса, мясорубкой добра и зла, где вопреки их доводам разума все и каждый приняли новую реальность за данность. Так им было проще, тем они и проиграли, неспособные на большее, чем смирение.

Голос заговорил, тон его был неопределенным:

— Я задам этот вопрос всего один раз — вы можете остановить Бэккера?

Олдуай и Изабелла даже переглянулись от такого глупого вопроса.

— Понимаю, согласие или отрицание сужает вашу манев-

ренность. Такое нельзя выносить на обсуждение, но... Мне вот интересно, Олдуай, ты знал, оттого и тратишь время на первые переговоры за эти сорок два дня, или же я вижу доказательства твоего несовершенства?

Олдуай и Изабелла вновь переглянулись, но уже с более сокрытым от Голоса, настороженным оттенком. Они понимали: все это слишком затягивается. Каждая новая минута промедления создает ненужную переменную. Голос был не просто уверен, он внезапно начинал руководить, выдавая даже какое-то непривычное для него порицание.

— Только что Раскаты появились на Опусе. Там не было шторма, теперь — есть.

Бэккер неспроста вспоминает тот день, когда впервые познакомился с настоящей тьмой, взиравшей на него его же глазами в тесной комнате индустриального города Монолит на планете Кома. Тогда он не смог распознать смысла происходящего, в отчаянии решился поддаться инстинкту выживания, тому, что изначально и привел его на ту встречу. Те глаза еще долго преследовали его, с попеременным успехом напоминая не столько о причастности к тьме, сколько о чуждости в этом мире. Так что, когда мир стал меняться, Бэккер, выживая вопреки, сам не заметил, как процесс стал важнее цели. Хотя цель и была, но она всегда менялась, будто бы испытывая его ум и волю, ища предел его гибкости, то ли готовясь издеваться над ним в отместку за ошибки, то ли заботясь о том, чтобы ему всегда было ради чего жить. В конечном итоге, стоило ему только поверить в окончание процесса, судьба вновь напомнила: его место на игровой доске. И вот он сейчас находится в другом мире, на другой планете, окружен ярчайшим светом, смотрит уже в другие глаза... Вопреки новым декорациям, незаслуженная смерть вновь стала отправной точкой его похода.

Сильный горячий ветер стал поднимать меловую пыль белоснежной равнины с одной стороны, разбивая ее о гущу каменистых пород под пять метров высотой с другой. Это

сухое, безжизненное место было вдали от блеклой тени цивилизации, состоящей из сети бункеров для тех немногих выживших, все еще борющихся за право жить под солнцем. Бэккер чуть ли не слепнет от обжигающей яркости солнечных лучей, смазывающих границу чистого неба и белой поверхности дюны. Пытаясь углядеть, движется ли оттуда транспорт, он принципиально не хочет надевать защитный шлем скафандра, чьи фильтры не только открывают разные спектры анализа изображения, но и спасают от примесей в воздухе. Таковы условия: хочешь тут выжить — заботься о безопасности, потому что люди здесь — в лучшем случае гости, в худшем — инородный организм. Планета меняется, природа переживает кризис, так что без технологий человечество уже бы вымерло. И это знание крутится у него в голове вновь и вновь уже не первый день. В этот раз он решил по-другому: раз судьба привела его сюда, то пусть и заберет... Ибо если расплата так и не настигнет, то, что ж, следовательно, поход все же не закончен.

Ветер продолжает усиливаться, покрывающий глиняное полотно белый мел добрался уже до его щиколоток. Погода бунтует — видимо, опять перестройка, что в целом не удивляет: они тут недалеко перекопали увесистый объем, создав чуть ли не овраг, а планета известна своей капризной чувствительностью. Бэккер пока стоит, ждет, смиренно опустив голову, снова всматриваясь в глаза того, чье тело уже почти засыпала меловая крошка. Этот человек, как и тот, что гля-

дел на него из тьмы, не должен был умереть, уж точно не вот так. Обмякшее бледное лицо уже ничего не выражало, остались лишь стеклянные широко раскрытые глаза. Чем больше Бэккер вглядывался в них, тем явнее с собственным отражением видел и запечатленное осуждение. В отличие от тьмы здесь, среди света, жертва его рук осведомлена о причинах этого страшного деяния. Это в какой-то мере укрепляет веру в праведность выбора, потому что все они зашли достаточно далеко, чтобы перестать сомневаться в цене и ставках.

Бэккер сдвинулся с места, лишь когда мелом засыпало лицо и глаза уплаченной им цены. Так и не ощутив заражения вредоносными примесями, не узрев никого вокруг, он сделал следующий шаг в сторону старенького шаттла. Без этой находки он, как и никто другой, не смог бы покинуть планету Сирота Олдуай, где он, опять же, оказался никак не благодаря, а вопреки. Его всецело устраивает беспроегрышность итога этого дня: неважно, закончит он свой поход или погибнет в процессе, спасая остальных от своего влияния, — в любом из вариантов убийство Адамы было не зря. Раз уж сраная судьба, состряпав нешуточную перипетию причин и следствий, привела его сюда, то он будет рад пободаться с ней, испытав характер на прочность, не только став проявителем ее воли, но и составив конкуренцию.

Олдуай забыл обо всем вокруг, став каменной статуей с закрытыми глазами. Голос вывел изображения распространяющихся Раскатов как для Изабеллы, так и для, возможно, единственной аргументированной издевки, немного хвастаясь заслуженной удачей. Когда Олдуай открыл глаза, некая тяжесть от одного его вида спала, показался живой организм с мертвым взглядом, вновь обретающим свежесть с каждым неспешным словом.

— Частота и диапазон Раскатов не могут не быть частью сокрытой системы. Легкий беспорядок все же имеет свои границы. Они появляются везде, где человек оставил след: Буревестники на Опусе и Комере, города и базы если и не напрямую, то показательно подверглись поражению. Не уверен, что это связано с циклоном на Комере. Терраформирование — штука непростая, планеты без хозяев меняются, но не настолько, чтобы целенаправленно устраивать всхлопывание материи, да и незачем: циклоны делают божью работу на зависть. К тому же, когда я был на Сироте, планета менялась уже давно, даже раньше, чем Кома. Клендат постарался, замес с Варваром такой, что вся планета похоронена под пепельным одеялом, и больше нет там ни солнечного света, ни тепла, ни жизни. Справедливости ради, жизнь пока что брыкается, перекройка там активная, опять же, на зависть. Зна-

чит, дело не в планетарной инженерии. Да и в космосе Раскатов нет, полеты безопасны, концентрация энергии непричастна. Итого — имеем лишь частичное совпадение с координатами рассекателя уже на трех планетах. Местами Раскаты промахиваются, — закончил Олдуай с тяжелым вздохом.

— У тебя есть кто-то в поле? — Голос задал этот вопрос тоном содействия. — Нам нужно провести исследование, нужны руки, наблюдения недостаточно.

— Нет. А у тебя?

— Тоже нет.

Они оба лгали, и оба знали о лжи друг друга. Пока что запасы были ценны неведением, да и, не будь их, всем бы надо было создавать вид наличия — таковы правила игры. Но и спросить они не могли, тут либо менять стратегию, либо бороться за инициативу.

— Клендат что-то вам рассказывал о подобных явлениях в контексте Любы и ее беспорядочных прыжков во времени с Осколком?

— Нет.

— И я должен в это верить, — с примирением проронил Олдуай, начав осматриваться по сторонам, быстро переглянувшись с Изабеллой.

Внезапно Голос засмеялся, причем так же наигранно, как недавно заявил о себе Олдуай. Внимание было привлечено, сам же Голос резко оборвал эту чуть ли не детскую глупость, сказав следующее в полной уверенности правоты:

— Теперь мы на одном уровне. Тайна, возникшая у нас на глазах, нас же и сравняла. Угрожать мне бессмысленно, ваш план на паузе.

— Я рад, что ты напоследок выпендриваешься, — надеюсь, запомнишь это состояние. Еще не понял? Мы в космосе, тут безопасно, а планеты ныне не пригодны ни для сбора ресурсов, ни для переселения твоих людишек. Ты тут застрял!

Экраны сменили изображения — теперь там был передвигающийся транспорт конвоя, совсем недавно покинувший Монолит.

— Они еще живы. Жива и надежда. Это навело меня на мысль. Выскажу ожидаемо тобою не комментируемое, но тобою же и введенное. Бэккер. Вы каким-то образом отправили его в будущее. Вынудили нас бояться каждую следующую секунду, она может стать последней. Но так может думать и он. Будучи там, возможно, иного уже не желает. Моя версия такова — Бэккер использует рассекатель. Атакует нас из будущего. Обеспечивает себе настоящее без вас, идя по пятам, запускает реакцию по всем доступным истории точкам координат. Сокращает поле битвы, сокращает наше влияние.

Олдуай не без странного удовольствия выслушал эту хитрую версию. Разумеется, никак комментировать он ее не будет. Но попытка хорошая: вывести на обсуждение судьбу Бэккера, чтобы Голос, пользуясь даже примерным наброском истины, смог понять, где копать, дабы выиграть себе жизнь. Хотя, думает Олдуай, может, и стоит что-то обронить,

немного подыграть, заняв рабочую память процессом, ослабив его концентрацию? Это не должно быть сложно, потому что Олдуай точно знает: Бэккер никак не может создавать или распространять Раскаты, никак! И это преимущество в знании удобно пересеклось с другой версией происхождения Раскатов, ранее не озвученной, но требующей срочно изучения, чему может и должна поспособствовать только Изабелла.

Перед тем как Олдуай начал монолог, преимущественно обращенный к Голосу, он быстро передал Изабелле одно слово — «Сойма». Она незамедлительно убедилась в догадке: раз на планету не проникают никакие сигналы, значит, пепельное одеяло блокирует не только солнечные лучи. А так как Сойма сейчас должна быть глубоко под землей, то рассчитывать можно лишь на Восковую кровь. Олдуай был с ней несовместим, его частицы отторгали ее без шанса на симбиоз, а вот Изабелла научилась пользоваться возможностями этой бледной субстанции, связывающей органических носителей невидимым контактом, который носил название Душа. Клендат так тонко настроил ее импланты, чтобы Восковая кровь, которую он же ей и интегрировал, причем без ее ведома, прижилась, напрямую работая с ее мозгом. Возможно, Изабелла и вовсе единственная, кто совмещает импланты и Восковую кровь, при этом сохраняя разум и работоспособность. И сейчас вновь и вновь она пытается нащупать Зов, должный идти с Сироты... Концентрируется, уходит в Душевный мир, ищет, сама бросает Зов, передает собственные ощущения, словно эхолокация должна отразиться, будь там хоть кто-то с Восковой кровью.

Олдуай посмотрел на нее сразу же, как Голос почти горделиво вывалил версию о Бэккере, вызвав и в ней легкое вос-

хищение от такой выдумки. «Вслух, без имени» — передав это, Олдуай принял решение поведать Голосу маневр с Сойма. Возможно, подумала Изабелла, так он хочет отвлечь Голос, подкинув нечто настоящее... или же Олдуай налаживает доверительный контакт, начиная новую, пока неясную стратегию.

— Она не отвечает, — громко, немного раздраженно сказала Изабелла, смотря Олдуаю в глаза. — Я даже не могу сказать, жива она или нет.

— Если она мертва, Воск обнаружить?

— А это не важно. Я не чувствую на Сироте Восковую кровь.

Это всерьез удивило Олдуая, Изабелла продолжила:

— Я не чувствую никого и ничего. А я знаю это чувство, состояние, когда ты абсолютно пуст и одинок. Поверь, что-то не так.

— Она затихла только на планете?

— Она затихла везде.

Куда больше ему не нравилось доверие плану с Сойма, нежели потеря активности Восковой крови. Вся эта субстанция, которую Клендат взрастил на Колыбели Опуса, была им ненавистна. Очередной эксперимент ради ненужных амбиций разбалованного бога, зачем-то еще и решившего, что Колыбель станет новым началом. Как минимум такое напрашивалось по уликам, которые Олдуай наблюдал своими глазами, окончив изгнание. Единственное преимущество, кото-

рое он видел в человекоподобных Нерожденных и этом Воске, заключалось в ее ценности для его братьев, следовательно, дополнительный ресурс влияния. Будь его воля, он бы стер ее всю до основания.

— Воск уже никто не контролирует, — продолжила Изабелла в раздумьях. — Перед телепортацией Нерожденных с Галактики он уже был в стрессе, а на Коме все только усугубилось. Эти умники попытались обуздать ее «паутиной», что опрометчиво, ничего не скажешь. Если нет активного проводника, то и смысла проявляться не найдется, потому что не для кого и не для чего.

— Значит, своей воли она пока не имеет.

— Не факт. Возможно, ей нужен человек лишь для контакта с другим человеком.

— Почему ты сейчас не подходишь?

— Возможно, дело в космосе.

— Что-то многовато я слышу «возможно».

— Ты сам хотел, чтобы я говорила вслух.

Он лишь кратко кивнул на ее слова.

— Как ни крути, органика — ресурс не бесконечный. А эти умники замучили коллективный разум на совесть.

Олдуай уже хотел что-то сказать, как Голос выдал претензию:

— Вы тут не один, если что.

— А ты не слишком ли спокоен?

— Нет. Это ваше время истекает.

Олдуай и Изабелла ждали.

— Поясню. Если временной отклик верный, аномалия в субквантовой запутанности случилась в семь часов вечера. После, когда Изабелла прибыла, уточнила: Бэккер будет через двадцать четыре часа. Сейчас это число — семнадцать часов. Раскаты — это ваши проблемы. Продолжатся, могут и Бэккера убить, его координаты точно не в глуши. Если Раскаты связаны с рассекателем, его шансы выжить преимущественно близки к нулю. Мой риск оправдан, минимален, контролируем. Вы сделали ставку на время. Олдуай, уж ты-то должен был понимать: время никого не слушается.

Они молчали. И они знали: их молчание нравится Голосу. Олдуай вновь ощутил просыпающееся бешенство, требующее разрушений как единственного способа справиться с пока что новым чувством бессилия. Взглянув на злое лицо Изабеллы, устремленное как бы наверх, туда, где Голос, он углубился в связывание причин и следствий: дар Клендата Изабелле перестал функционировать лишь сейчас, когда он убедился, что Раскаты более не мешают ему, да и назвать могла любое число — но нет, настояла, что надо двадцать четыре часа...

— Поясню. Варианты почти равнозначны: либо Бэккер атакует, стирая ваше будущее, либо Раскаты сотрут его настоящее. Оба варианта лишают вас преимущества.

— Ты будто специально игнорируешь один факт, — уверенно и властно заговорила Изабелла. — Твое время тоже

истекает. Раскаты, которым ты тут радуешься, вредят твоему выживанию куда больше, чем нашему походу. Даже будь у тебя люди или роботы, отправить их в циклон, да еще и с Раскатами, не получится. Они могут длиться десятилетиями, за пару лет такое не пройдет, тут не сомневайся. Ты же сам сказал, что мы теперь на одном уровне. Отныне наше поражение сулит тебе лишь одиночество. А мы уже говорили, к чему тебя это приведет.

— Полагаю... у вас есть план?

Изабелла кратко взглянула на Олдуая, посматривающего на нее с неприкрытым интересом, чему она в ответ улыбнулась со змеиной хитростью в глазах. Смотри перед собой, она говорила убедительно, точно формируя план:

— Моя связь с Воском ослабла, может, и пропала навсегда — сказать пока сложно. Вот и начнем с того, что ты разбудишь Настю. Я знаю, она в искусственной коме, куда вы, хитрецы, запрятали ее от меня.

— Не от тебя. Вирус Ковака начал мучить ее. Воск на Ко-ме умирает, она чувствует.

— Еще одна причина затишья.

— Ваша вина.

— Да брось, твой брат давно затеял это. Что-то вы плохо ему мешали. Но я все это к другому. Настя уже была избранницей коллективного разума Воска, на правах истинно перерожденной в почве Колыбели, она либо поможет, либо докажет смерть Воска.

Бэккер знал: шаттл должен вернуться к месту отбытия, на орбитальную станцию Обелиск: так он был запрограммирован, менять это, даже если бы и получилось, было бессмысленно. Во-первых, этот маленький транспорт не способен добраться до соседней планеты, да и в целом запасов кислорода на многое не хватит, не говоря уже об отсутствии спального места; во-вторых, что куда важнее, именно с Обелиска пришли координаты того, где искать этот шаттл, что, разумеется, сразу намекает на приглашение. И вот, сидя в тесноте без света, Бэккер умудрился забыть о времени. Это случилось само по себе, когда, оставив свет, он погрузился во тьму, прямо как и шаттл, взлетевший с белых дюн в черный, лишенный вида далеких звезд космос. Но причина этой потери в пространстве и времени кроется не в совершенном убийстве. Все куда проще — он ощутил каждой частичкой тела взгляды тех многих, кого уже нет. Они смотрят на него из тьмы, прямо оттуда, откуда он в тот давний день узрел собственный взгляд... Это состояние постепенно усиливается, они все приходят, окружают его, лишая свободы, прошлого и будущего, облепляя тем немногим, что осталось, — образом. Образом не столько вины, сколько ответственности. Нечто подобное он ощущал при использовании Восковой крови — она объединяла всех носителей чем-то неосоздаваемым, состоя-

щим из ощущений друг друга на расстоянии, когда настроение могло передаваться, словно информация. Сейчас это лишено тепла и взаимности, лишь холодное и спокойное единение с теньями... Это и привело Бэккера к одному неожиданному открытию: Тени смотрят на него не с осуждением или вызыванием вины, не говоря уже о гневе. Все проще — они смотрят на него как на равного себе. И это то, почему он не чувствует страха или боли, скорби или тоски. В отличие от того, что случилось на Коме в колонии Монолит, здесь и сейчас Бэккер приходит к важному выводу: он сам смотрит на них из тьмы как на равных себе, тех, кто состоит в едином племени... кто заслуживает единой могилы.

Когда шаттл заметно трянуло, Бэккер чуть ли не вско-чил, как если бы его кто-то растолкал, оборвав тихий сон, свергнув в панику. Но чувство опасности оказалось поспешным: небольшой транспорт, видимо, что-то зацепил, так как продолжил оставшийся путь уже без помех. Через пару минут, прямо перед тем, как произошла стыковка, Бэккер увидел на панели отсчет полета в какие-то шесть минут и три секунды. Эти неожиданные цифры расходились с мироощущением достаточно сильно, он даже подумал, что, вероятно, просто уснул на пару минут, сбив чувство времени. Отсутствие гравитации на Обелиске ощущалось и в шаттле, вынудив приложить дополнительные силы, чтобы освоиться в этом непростом ориентировании. Ранее он уже познавал невесомость, но это было столь мимолетно, сколь все мысли

в тот момент были украдены крайне серьезными вопросами выживания. К его счастью, свой шлем от скафандра он все же забрал, иначе, не будь на Обелиске кислорода, пришлось бы возвращаться... Причем странно, подметил он, в шаттле нет ни скафандра, ни лишнего шлема, что еще лишь полбеды, потому что он взлетел с планеты, даже не думая о том, есть ли тут вообще герметичность. Не подумать о судьбе он уже попросту не может.

Стыковочный отсек оказался без света, усилив влияние того прекрасного вида за пределами Обелиска. Он устоял в ближайший иллюминатор, впервые узрев Сироту Олдуай с орбиты, недалеко от огромного остатка Галактики, плавно зависшего среди кучи мелкого космического мусора. Когда-то эта была внешняя часть верфи, большой круг и центральный атриум для космолетов, но по неизвестной ему причине действительно чудовищный взрыв расколол Галактику. Сейчас от нее остался выгнутый внешний слой с отверстием в центре, чья конструкция не развалилась на куски лишь благодаря везению. С его расстояния заметно множество мелких дыр, неровностей и того, что можно назвать начинкой, спрятанной за внешней неровностью, обращенной к планете. Эта начинка, словно вырванные куски мяса, то там, то здесь торчит во все стороны, создавая с обратной стороны уродливый облик чего-то мерзкого. А вот со стороны планеты конструкцию легко воспринять огромным глазом, смотрящим на них под небольшим углом. Когда он впервые узрел

его оттуда, то не мог найти объяснения такому явлению, потому что не знал даже даты.

Сейчас на той стороне, куда смотрит Око и откуда он вылетел, было светло. Счет времени пришлось сделать иначе: планета столь характерная, что выдала целую неделю для дня и ночи, превратив цикл суток в две недели. Но благодаря бункерной жизни классические часы никуда не делись, просто условия пребывания и работы на поверхности несколько уникальны, чтобы не сойти с ума от непривычки. Когда-нибудь, возможно, это изменится, но пока что планета живет своей тайной жизнью.

Изучить станцию Обелиск оказалось проще, чем он думал: сквозной путь от края до края всех десяти отсеков был лишен преград, ни одного закрытого шлюза или перегородки. Перемещение в каждый следующий отсек подсвечивалось угловыми лампами, реагирующими на движение, отключаясь за спиной. Бэккер не стал долго думать — сразу же устремился к мостику, больше рассчитывая получить ответы, нежели взять под контроль Обелиск. Направо от стыковочного шлюза он сначала оказался в каюте, там слева были расположены три камеры для Спальника — это такие системы жизнеобеспечения для замедления жизненных показателей с возможной изоляцией мозговой активности. Сейчас все три пусты, но лишь одна, центральная, заметна в недавнем использовании: кто-то точно тут был, все распаковано, так и ждет, чтобы житель вернулся в объятия. Справа же

вся буфетная зона достаточно стерильна, скорей всего, здесь обитает воспитанник чистоты и порядка в местах пользования. Следующий отсек — рубка связи, обесточенная за исключением одного терминала справа, там на мониторе светились зеленые рамки с черными командами. Даже при слабом теплом освещении глазам было тяжело сосредоточиться на такой яркости отсчета, ставшей открытием неожиданной истины: сообщение с координатами шаттла было активировано автоматически по заранее зафиксированному дате и времени. Кто-то будто бы знал, когда стоит информировать Адаму о том, где искать шаттл, что вдвойне странно из-за меняющегося ландшафта. Если бы координаты пришли раньше или позже, то не факт, что, проведя раскопки, они бы нашли его, следовательно, либо там был маяк, либо кто-то что-то знал.

Бэккер не мог не последовать за этим открытием к самому важному вопросу: есть ли тут еще кто-то, кроме него? Первое, что он проверил, — были ли еще какие-либо сообщения на Обелиске. И это первая неудача: единственное, что сохранилось в журнале, — то самое отложенное сообщение. Ни имен или статуса команды, ни даты введения в строй или же поставленных задач, не говоря уже о каких-либо результатах наблюдений за планетой... Сервер был подчищен, тут спору нет. Выход из этого раздражающего тупика оказался единственным — изучить статус Обелиска по секторам. Что-то же должно быть важное и обязательное, иначе к чему все

это?

И вот тут Бэккер словно вдохнул свежего воздуха, узрев сначала доступную схему Обелиска, а там и подключение к камерам внутри секторов. Сначала он узнал, что из трех шаттлов теперь не хватает лишь одного, куда и когда он делся, неизвестно. А вот дальше его ждала та самая награда за ожидания — нечто странное, увлекательное и пугающее, но тем и ценное. Исследовательский сектор лишь отдаленно напоминает что-то связанное с наукой, ныне чуть ли не половина находящегося составного оборудования будто бы разъедена... Словно кто-то вырывал части, оставляя обожженные шрамы независимо от поверхности. Подобное Бэккер увидел и в грузовом отсеке, хотя там кое-что осталось целым и невредимым. И если бы не внезапный шум со стороны мостика, именно в грузовой отсек он бы сначала и направился, потому что размещенное там оружие было бы кстати не только для нападения, но и для обороны. Аккуратно приблизившись к иллюминатору на мостик, Бэккер замер, потому что всерьез усомнился в реальности происходящего. Там, благодаря умирающему свету где-то в стороне, в метре от иллюминатора он узрел Тень...

То ли из-за слабого освещения, то ли по причине достаточно пугающей, чтобы не задавать вопросов, Бэккер не смог разглядеть ни черт лица, ни глаз, ни даже определить возраст. Это темное, лысое, упитанное тело без заметных признаков одежды или состояния здоровья просто было, словно размещено третьими силами, убрано с глаз долой. Отдаленно казалось, что Тень, стоя немного боком у иллюминатора, искала контакта с ним, вызвав ассоциацию первой встречи с тьмой... Тьмой, которую он же и принес в этот мир. Внутри все закипело, уже почти ввергнув его в жуткий страх, и тут одна деталь прервала сопряжение воспоминания и реальности — глаза, тогда были глаза. Здесь же их нет, лишь Тень. Но Бэккер все вглядывался в то место, где у Тени должно быть лицо, чтобы наконец-то получилось одобрить хоть какой-то контакт. Подтверждением этому сначала стала ладонь Тени, положенная на иллюминатор, ответ на которую он уже почти дал, — но внезапно все вокруг замигало, приправив это шумом Обелиска. Рука с иллюминатора исчезла, голова уже была повернута левее, туда, где на известном Бэккеру экране монитора появилось сообщение. Белые буквы красиво вырисовывали черный фон:

«Обелиску осталось шесть часов»

«Здесь рассекателя нет»

«Сделай работу»

Бэккер не стал спрашивать имени, потому что это пустая трата времени. Желай тот солгать, распознать это было бы невозможно, ну а сам он, прекрасно зная, каково быть в такой позиции, если бы и говорил правду, то с конкретным по-таенным смыслом, используя ответ в угоду хитрого манев-ра. Суть куда важнее, чтобы быстро и ясно определить пози-цию, думая чуть дальше о действии, нежели о провокаторе, чья роль подвержена влиянию неконтролируемых следствий и причин.

Сообщения появлялись одно под другим:

«„Илос“ на орбите»

«Точка на карте»

«Другого нет»

«На планете доступ»

«Ты ее знаешь. Ты ее видел»

«Изабелла, там, внизу»

«Поможет»

Неожиданность этих сообщений подкрепилась возобнов-ленным шумом со стороны мостика. То ли взрыв, то ли крупная разгерметизация уничтожила всю систему управле-ния Обелиском, приведя протоколы безопасности в актив-ность. Шлюз туда герметизировался каким-то непонятным ему слоем пены, красный свет озарил все и вся, выгнав те-ни в мгновение, закрепив одиночество Бэккера выведенной статистикой, где главное сразу бросилось в глаза: кислорода

осталось на шесть часов.

Никаких сведений о том, кто был этот человек, как и о том, жив ли он сейчас. Возможно, если тот был в скафандре и успел надеть шлем, то смерть пока не наступила... только вот, спешно разочаровывается Бэккер, шансов найти его в космосе и уж тем более поймать, нет, уж точно не в одиночку. И теперь он умрет там, в пустоте и темноте, один... Не такая уж и плохая смерть, задумался Бэккер, видя в форме такого исхода заслуженную безопасность для мира с одной стороны и возможность приобщиться к мертвым с другой, а то уж, как показала практика, возрождение имеет разные формы.

Скорей всего, если не усложнять, то этот незнакомец был Банкером — создателем рассекателя и капитаном Обелиска. И скорей всего, именно ради собственного спасения Банкер и прислал координаты шаттла, чтобы кто-то спас его. Все это грустно, заключает Бэккер, видя в этом доказательство его правоты: ведь, куда ни глянь, все готовы отдать свои жизни ради просто знания — этот погибший мир будет перезаписан, свершение предопределено.

Таковыми были и Олдуай с Изабеллой... Бэккер аж позволил себе усмехнуться, удивляясь неожиданному открытию касательно Изабеллы. Уж кто-кто, а именно она и только она могла быть и есть жена Адамы. За весь месяц с лишним он не разу не видел лица главной женщины и матери колонистов, все те пару раз она была в шлеме, да и то это было лишь в первые дни после его пробуждения — потом она все время

где-то отсутствовала. Работы у них с Адамой, как у главной семьи колонистов, было в избытке, так что он просто принимал все за данность, адаптируясь к новой для себя жизни. Вот теперь есть еще один ответ на вопрос: почему она его игнорировала, даже избегала — боялась, что он будет мстить или поведает Адаме что-то неприглядное и ужасное о ней и том, как она с Олдуаем несла смерть остаткам человечества. Все это его развлекает, настоящая отгадка, спрятанная так близко, что остается лишь истерично смеяться от собственной глупости. Адама про нее не распространялся, а другие, те немногие, с кем он общался, просто называли ее Сойма. И этого было достаточно для того, кто не ассоциирует себя ни с этим местом, ни с этими людьми. С другой стороны, такое неестественное ему и обстоятельствам озорство отвлекает от большой проблемы — он убил Адаму, тело уже наверняка нашли...

Тени вновь окутали его, сцепив прошлое и настоящее, проверяя своего представителя на колебания чувств и сомнения мыслей, готовые разорвать его за предательство. Ему даже хотелось ощутить эту заслуженную расплату плотью и разумом, амортизировать грядущий ужас. Через них ему открывается и ошибка структуры времени: ибо именно здесь и сейчас, на углях, Бэккер уже осязает полومку эпилога. А может быть, все наоборот? Так легко верить в благосклонность причин и следствий лишь при успехе, но стоит споткнуться — вместо принятия зарождается бунт. Но, может быть, в

этом и есть урок... оказаться в центре пересечения событий, но не иметь на них влияния. Может быть, это все Узел? Не просто же так Любовь создала этот термин для места, которое исчезнет вместе с распутыванием следствий и причин... Что, если его задача — не распутывать, лишь наблюдать...

Долгий в своей детальности процесс искупления через страдание плоти и разума оказывается минутным фрагментом для остальных. Если часы Обелиска не врут, то прошло всего десять минут аудиенции... каких-то десять минут взамен тех часов, пока Тени питались им. Ему не хватило сил выдержать ассимиляцию, но это пока что.

Тяжело дыша, мучаясь от каждого движения, вот-вот теряя сознание, Бэккер ищет способ добраться до Изабеллы, перекручивая все немногочисленные варианты. Только вот остаток возможностей столь же удручает, сколь и освобождает. Галактика уничтожена, другие планеты все так же недоступны, никто даже не знает, жив ли еще хоть кто-то на Ко-ме или Опусе. Еще раз проверив систему связи, Бэккер убедился в достоверности последнего заключения — каналы не работают. Обыскивать Сироту точно нет ни времени, ни ресурса: эта громадина и так меняется, представить, что стало с какими-либо тайниками, не так и сложно. Стоило бы обыскать Обелиск, но, судя по странным увечьям в отсеках и отсутствию разгерметизации, есть вероятность, что угроза никуда не делась. А если с ним что-то случится, помощи ждать неоткуда. Значит, все же надо возвращаться на планету, об-

рисовать Изабелле позицию и добиться понимания...

Внезапно пришло сообщение, прогремев писком:

«Адама был убит. Валис сбежал. Если ты жив — вернись. Мы в опасности».

Бэккер вчитывался в эти слова вновь и вновь, ища между строк и букв хотя бы намек на тайный смысл или сокрытый подтекст этого внезапного сообщения с планеты. Чтобы вот так прямо сейчас ему в руки попало столь удобное приглашение продолжить поход без агрессивного метода, да еще и став полезным?

Бэккер еще раз проверяет содержимое склада — то, что ему привиделось при первом осмотре, обернулось правдой: там есть оружие. Осталось решить, стоит ли использовать его для страховки или же утверждения своего преимущества перед Изабеллой, когда он вернется на ее зов?

Она не помнит ни как оказалась здесь, ни срок своего нахождения в этом... в этой пустоте. Здесь не подходит разделение на свет или тьму, тепло или холод, потому что она не знает, как объяснить свое абсолютное бесчувствие. Она словно лишена тела, существуя крайне вялым разумом будто бы скорее нигде, чем где-то. Она даже не знает, нравится ей это или нет. Простое существует в некоем чем-то, чьи границы и наполнение неуловимы глазу и слуху. В таком состоянии она и проснулась, убедившись в том, что дело в ней, а не во внешнем влиянии. Обычная палата, вроде бы и знакомая, да еще и хорошо освещенная, проложила ей возможность осязать себя, как бы проверяя, что она жива. И стоило начать медленно ощупывать свое лицо, выискивая глазами зеркало, как она случайно зацепилась за взгляд.

Сверкающие от слез, полные жизни глаза возвращали ей нечто человеческое, обогащая все ее клетки, ум и сердце сильнейшей семейной связью. Не моргая, роняя слезы, Рода медленно подошла, протягивая дрожащие от волнения руки вперед, борясь с неверием в то, что ее лучшая подруга сейчас жива и здорова... Настя невольно встала, дыхание перехватывало, казалось, она проснулась лишь сейчас, заново обретая себя, цепляясь за то богатство чувств и памяти, что принесла ей Рода. Они обнялись так крепко, как, пожалуй, ни-

когда, убеждаясь в существовании друг друга здесь и сейчас.

— Я считала... Мы считали, что ты умерла... Тебя похоронили на моих глазах... А я ничего не могла сделать... Я не... — Не выдерживая эмоций, держась друг за друга, они сели на пол. Рода была в мешковатом белом скафандре, а Настя — в облегающем черном комбинезоне, что еще больше обычного подчеркивало контраст между грубостью первой и нежностью второй. — Если бы мы знали, что ты выжила, то остались бы на Колыбели, вернулись бы за тобой. Но мы не знали. Прости, мы просто не знали. Я не знала, что Восковая кровь может... Ты была мертва, но она возродила тебя... И это так странно. Хотя что я говорю, не слушай меня, дуру. Ты жива! Жива. Вот что главное. Ну а странностей мы уже навидались.

Настя смотрит на лицо Роды, отодвигает ее черные длинные пряди, чтобы разглядеть знакомые шрамы, тонкими линиями пересекающие красивое лицо. Полученные в тот самый день, когда началась война с чудовищами Комы, три линии стали странным символом перемен... Настя смотрит на нее и вспоминает всю свою жизнь там, на Коме, еще до войны, где в городе Монолит они жили, учились, общались с парнями, спорили с родителями, ссорились друг с другом... но все же знали, что они, как будто бы кровные сестры, никуда не денутся. Тогда им некуда было спешить, все шло своим чередом. Настя окончила медицинский, но пошла не по стопам своего отца, а стала протеже отца Роды, возглавлявшего

Техгруппу. Рода на тот момент отделилась от всех, уйдя в Копатели, поссорившись с папой из-за одной семейной тайны, лишившей их куда больше времени, нежели доверия. Наверное, Настя вспоминает лишь последние годы из-за того, что считала их нелучшим периодом жизни для них всех, думала, времени полно, все наладится... Настя смотрит на Роду и видит, как сильно та изменилась за какие-то несколько недель после Колыбели. Она повзрослела, обуздала непростой характер, став спокойней, вдумчивей и добрей. Все это видно во взгляде, от вызывающего нрава и красивого бесстрашия не осталось и следа — отныне из нее сверкает сочувствие и доброта.

— С Оскаром все хорошо. Точнее, было хорошо, когда я улетела с Комы. Мы же смогли вернуться домой... уже и не помню, вчера утром, получается. Да, день у меня очень длинный. Особей больше нет, но Монолит пока непригоден для жизни. Циклон все разрушил, да еще и Чума... короче, зараза Топи изменилась и расползлась. Людей осталось мало, но они успели начать эмиграцию, колонна выехала в новое место. А, да — Менард оказался живучим, он там почти лидером был... но Томас погиб еще в тот день, когда мы улетели. Там все было непросто, очень непросто, и... Скажем-так, мы оставили свой след.

Рода заметно помрачнела, скорбь в глазах перемешалась с заметным чувством вины, обрисовав Насте удручающее состояние настоящего. Она сразу же вспомнила, как всего

несколько часов назад пыталась помочь Номадугу и Голосу найти способ противостоять Изабелле и Олдуаю.

То ли чувствуя необходимость в хороших новостях, то ли просто желая по-девичьи, похвастаться, Рода резко выкрикнула:

— Поздравь меня, я беременна!

Рода пыталась сказать это радостно, но не получилось. Настя сразу же это считала, сжав крепко и заботливо руки подавленной подруги.

— Мы с Оскаром очень сблизились. Я стала его женой. Хотя это мы так, пока что на словах. Но для нас это важно. Он остался там, поехал за конвоем... Ты бы видела его... он будет хорошим лидером, похожим на своего отца.

Настя не просто ощущала радость за Роду — все было именно так, как она и хотела для них двоих. И от этого, когда Рода сказала следующее, Настя ничуть не разочаровалась в лучшей подруге:

— Настя, прости, что ставлю тебя в такое положение, я... Я сама виновата. Меня тут не должно было быть. Это все тупая Изабелла! Хотя тут столько всего смешалось... Я очень рада тебя видеть. Ты даже не представляешь, как я рада... Хоть что-то светлое. Еще раз прости... Но если ты не сделаешь то, что хотят Изабелла и Олдуай... Эти выродки убьют моего ребенка.

За неожиданной для обеих встречей Роды и Любы следили все причастные, специально выделив немного времени, чтобы одна исполнила свое назначение, дабы вторая знала ставки. Не прошло и пары минут, как Рода закончила, стена, отделявшая исполнителей и наблюдателей, сдвинулась, соединив два помещения. Такова была воля Голоса, манипулирующего столь же хитрой, сколь гениальной конструкцией Галактики так, как вздумается.

Обе встали, поддерживая друг друга, обернулись к наблюдателям. Если Рода умудрялась смотреть на них с покорным презрением, то Настя, продолжая молчать, была полна какого-то неуместного спокойствия. Олдуай сделал шаг вперед, держа руки за спиной, став центром для всех присутствующих. В его голосе среди силы и власти все же просачивалось раздражение:

— Экстремальные условия планеты внесли коррективы в работу структур связи. Причастность Раскатов пока не подтверждена, не опровергнута. Но перед их появлением Субъект успел доложить о сближении с ядром. Он должен был войти в контакт с Восковой кровью, но она затихла. Статус Субъекта и Восковой крови неизвестен. Пока что они — лучший вариант, чтобы узнать причину Раскатов. Мы летим на планету, добираемся до Субъекта, потом Настя вызывает к

Воску, открывая Изабелле доступ к Душе.

Напряжение лишь возрастало, Олдуай не допускал ни пререканий, ни сомнений. Он посмотрел на довольное лицо Изабеллы:

— Жди. Есть вероятность, что Субъект будет недееспособен.

Изабелла кратко кивнула, полная солидарности с Олдуаем. А когда он бросил взгляд на Настю, уже собравшись окликнуть ее, чтобы она следовала за ним, то увидел беспечность. Он в мгновение оказался прямо перед ней, проявив нечеловеческую скорость, схватил Роду за горло и поднял, следя за тем, как в Насте начало зарождаться волнение.

— Я грохну ее и всех, кто будет стоять у меня на пути! — Олдуай говорил с напором, тяжелым тоном, возвышаясь над Настей огромной нерушимой фигурой, пока Рода брыкалась в его захвате так, будто бы ее держит не человек, а конструкция. — Твоя жизнь, как жизнь твоих друзей, напрямую зависит от твоей пользы! Ты — лишь инструмент!

— Я поняла, — выронила Настя в страхе за Роду, после чего Олдуай разжал пальцы. Настя сразу же помогла встать кашляющей, изнеможенной и уставшей подруге, прижав ее к себе, защищая от того, кого совершенно не узнает. То, в какое состояние вогнана Рода, говорило об Олдуае больше любых слов. Дрожа, Рода уже начала прощаться с Настей, проговаривая тихо простую благодарность, закрепляя ее влажным взглядом.

Олдуай приказал Насте идти за ним, но Голос сделал громкое заявление:

— Этого не будет.

Олдуай сорвался, почти перешел на крик:

— Я могу тебе закинуть вирус, который ты осилишь, но изменишься в процессе, а в контексте твоего трепетного беспокойства за свою идентичность...

— Дай мне сказать.

Олдуай дышал так тяжело, что температура в помещении повысилась.

— Спасибо. Мне нравится твой план. Но не нравится иерархия исполнения.

Изабелла подметила, что даже Настя и Рода заинтересовались, узрев в Голосе хоть какую-то надежду.

— Она убила Номада. Без него я лишь половина целого. Убить ее — не проблема. А ты не будешь мстить. Сверхзадача важнее. А она уже готова к смерти. А я хочу оттянуть момент невозврата.

— Ну заболтал, что аж верфь скрипит, — язвительно начала Изабелла, — под блеклой заботой ищет компромиссы.

— Есть еще кое-что. — Голос не заметил ее слов. — Если на планете с ней что-то случится, то ты сможешь ее спасти, узнав гипотетического врага. Мы же тебя спасти не сможем, ибо сам сказал — ты сильнее всех.

Изабелла переглянулась с Олдуаем. После чего все так же уверенно заговорила, глядя заинтересованными, почти хищ-

ными глазами на Настю и Роду, уловив в их реакции тщетные попытки в обороне от ее влияния.

— Раз уж на то пошло, Рода отправится со мной. Ее ребенок послужит стимулом, не справится — оставлю подыхать на планете. Настя не пропадет, будет под наблюдением здесь, откуда не сбежать. Если что, просто законсервируем ее. Есть разные способы продлить ее жизнь.

Настя сделала шаг вперед, вцепившись в зрительный контакт с Изабеллой. Она начала говорить впервые после пробуждения, и если голос был неестественным, что удивило саму Роду, то вот слова удивили уже Изабеллу:

— Ни боги, ни люди — только странствующие. Ими не нужно управлять, их не нужно направлять. Они принимают закат равнозначно рассвету, не думая — живя! Лишь частью общего, принятого, они без страха, злобы. Приняв себя как часть — не целое, откроется и смысл, и желание. А оттолкнув, останется лишь увядание, одинокое и бесславное. И только разделив минувшее с грядущим, мы смотрим на тебя уже со стороны. Ты лишь дитя, поникшее в забвенье. Что гневом, что любовью не излечить ни сердце, ни тоску, ни разорвать долг на части, ни компенсировать, ни восполнить пустоту. Ты так мала, но так желаешь быть вдали от мира и любви. И ничего ты не добьешься, и подвига не будет твоего — лишь одиночество, лишь никто.

Настя была кем-то другим, но в контексте ее перерождения на Колыбели как минимум Рода испытала скорее сочув-

ствие. Изабелла же как раз была возмущена таким дерзким осуждением, уже хотела приструнить ее, как Олдуай, остановив на полушаге, вновь передал мысль без слов. Она послушала и отступила, оставив Настю с Родой в стороне. И пока первая начала ощущать какое-то смятение, а вторая просто проявляла заботу, Олдуай втайне от них передал Изабелле небольшой пенал. Изабелла не стала смотреть на него — просто взяла, потому что уже знала, что там и для чего.

Возвращение на планету далось Бэккеру проще ожидаемого, но все же аналогичный отлету временной провал никуда не делся — несколько минут ощущались часами... часами среди Теней, чье внимание в этот раз было соизмеримо благодатным насыщением веры. Веры в путь без притягательной своей доступностью силы устрашения, которую он оставил на Обелиске, выбрав встречу с Изабеллой лицом к лицу без оружия. Если же там внизу, среди света и простора судьба столкнет его со смертью, то так тому и быть, ибо в таком случае мир останется в заслуженном эпилоге, недостойный к спасению. Это испытание веры лишь укрепляет его связь с Тенями его племени, чьи жизни он лично предавал земле, зная их непонимание причины и следствия в миг несправедливой, порой от его рук, гибели. Раз им не суждено было узнать... то, лишь повторив этот обряд, Бэккер заслужит их уважение.

Место посадки, по совместительству и встречи, Бэккер выбрал в контексте возможного обмана, специально рядом с колонией, выпячивая бесстрашие. Через пару километров справа и впереди был крупный лес — как раз там он изначально и встретился с Адамой, который выдал ему весь расклад. Слева и позади каменистый сад, прячущий бункеры среди троп между разными высотами, делая колонию чуть ли

не представителями пещерной жизни. Шаттл приземлился на специальной каменной площадке, предназначенной для привлечения и высадки гостей. Когда он вышел, свет вновь ударил в лицо, насытив легкие ощутимо более мягким воздухом, чем меловая россыпь. И не прошло и минуты, как впереди, со стороны бункеров, заметил ее, шедшую к нему одинокую и уверенную Изабеллу. Все тот же черный мешковатый скафандр, чей шлем имеет следы от ремонта трещин на внешней стороне. Помимо отдельных кармашков на руках и ноге, закрепленных защелкой, вокруг грудного отдела была небольшая сумка с молнией, которую она могла развернуть за спиной.

И вдруг, смотря на нее как на Изабеллу, Бэккер подметил одно небольшое расхождение: Изабелла была выше. Когда эта женщина подошла, то первым делом, разглядев его, медленно сняла шлем, раскрыв лицо, которое он вспомнил не сразу. Длинные седые жесткие волосы с редкими черными прядями сразу же спрятали суховатое на вид лицо, аккуратно прикрыв тем же направлением те отличительные тонкие шрамы от лба до подбородка. Взгляд был тяжелым, уставшим, глубоким достаточно, чтобы скрывать презрение... Но так на него в лучшие дни смотрела мать, так что он, наученный опытом, сразу все вычислил.

— Привет, Рода. — Бэккер сам не верил в свои слова, но это была она.

Сначала она молчала, холод между ними был почти ося-

заем — но, выдохнув, Рода осмотрелась по сторонам и все же пересилила себя, начав диалог:

— Ты прилетел потому, что получил сообщение, или по иной причине?

— И потому, и по-другому.

— Что с Обелиском?

— Ты с этого хочешь начать... а как же Адама?

— Адама убит! Валис пропал, думаю, что, убей его ты, лучший друг Адамы вряд ли бы смылся. Орудия тебе не дали, руками ты бы Валиса точно не победил, а хакер из тебя никакой, уж я-то знаю. Адама был нашим лидером, отцом всем тем немногим, кого тут бросили! И он делал все, чтобы сберечь жизни.

— А еще он спас меня. — Бэккер специально это сказал, провоцируя ее.

— «А еще»... А еще я была против! И ты не имеешь права меня за это осуждать.

— И не собирался.

— Кто-то хотел, чтобы мы тебя нашли и спасли. Адама это сделал, и теперь он мертв. Если его смерть принесет хоть какую-то надежду людям, то он будет покоиться с миром. Мы оба знаем: себя он ставил ниже остальных, порой чересчур. Я с ним даже ругалась из-за этого. Зачем я тебе все это рассказываю... Докладывай, что там.

Бэккер видел в ней столь более взрослую женщину, сколь далека она от той дерзкой и бесстрашной оторвы, которую...

это было давно, вот бы вспомнить, когда и где.

— Обелиск работает, но летать уже не будет. Оборудование и всякие ресурсы вроде бы целые, во всяком случае то, что я успел углядеть.

— Не смей говорить, что это все!

— Был специальный космолет из Зеркального металла. Изабелла и Олдуай его создали. Сейчас он на орбите, должен быть работоспособен. Если так, то его должно хватить, чтобы слетать на Кому или Опус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.